

Футуролог Герд Леонгард — Forbes: «Мы готовим будущих лидеров к тому, чего не будет»

Европейский футуролог Герд Леонгард. (Фото: DR)

С 9 по 11 сентября в Москве проходил Форум социальных инноваций, одним из его спикеров стал Герд Леонгард — европейский футуролог, специализирующийся на влиянии технологий на человеческое общество. Леонгард — основатель консалтингового агентства The Futures Agency, автор пяти книг, включая «Будущее музыки» и «Технологии vs. человечество». Издание Wired внесло его в [СПИСОК](#) 100 самых влиятельных людей в Европе.

— Ваша работа — предсказывать будущее. Но неожиданная пандемия COVID-19 изменила нашу жизнь очень сильно. Так есть ли смысл в предсказаниях в таком непредсказуемом мире?

— Во-первых, мы не можем говорить, что пандемия была непредсказуемой. Многие люди предсказывали ее — [Ларри Бриллиант](#), например. Было понятно, что вероятность ее

возникновения повышается. Поэтому я всегда говорю, что будущее — это результат нашего выбора. Мы выбрали не готовиться к пандемии. Сейчас мы расплачиваемся за это и на собственном опыте понимаем, что быть подготовленными действительно важно. Так что теперь мы готовимся к изменению климата и к широкому применению искусственного интеллекта. Потому что вынесли из истории с пандемией некоторые тяжелые уроки.

Во-вторых, моя работа — не «предсказывать будущее». Это практически невозможно. Я думаю, некоторые люди, такие как Айзек Азимов, Элвин Тоффлер или Бакминстер Фуллер, были действительно хороши в предсказаниях. Но это было минимум 50 лет назад, когда будущее было действительно далеким. Сейчас оно уже здесь. Вы можете видеть его кусочки везде, куда бы ни упал ваш взгляд. Так что моя работа — не предсказывать, а обзирать, что, скорее всего, может произойти и делиться своей интуицией.

Джефф Безос называет это «догадками» (англ. Hunches). По мне так лучшее слово — форсайт. Форсайт означает понимание того, что получится с максимальной вероятностью, когда множество факторов переплетаются друг с другом. Я трачу 90% своего времени на то, чтобы быть чуть впереди правительств и корпораций. Так что я могу позволить себе роскошь рассматривать вещи, которые они считают нерелевантными, пока что недостойными внимания. 95% моих клиентов проводят 100% своего времени в настоящем. И совершают тем самым большую ошибку, потому что настоящее скоротечно, а будущее наступает неумолимо.

— Из-за пандемии стало в том числе гораздо труднее путешествовать. Между тем мир в последние 10 лет становится все более политически разобщенным. Означает ли это конец эры глобализации?

Реклама на Forbes

— То, что мы видим в сфере международного сотрудничества, — это

временный откат назад. Многие страны сначала хотят восстановиться. Они хотят убедиться, что справились с пандемией, сохранить ресурсы для себя, восстановить свои цепочки поставок и другие подобные вещи. Но очевидно, что единственный путь, который может дать нам всем надежду на возвращение к нормальной жизни — это глобальная вакцинация. А для этого нужно сотрудничать и, кстати, нарушать правила капитализма. Потому что мы (богатые страны) должны будем оплатить другим (более бедным) вакцинацию их населения.

*Ни одна страна, даже самая
могущественная, не может решить эти
проблемы в одиночку*

Такая же история и с другими глобальными вызовами: изменением климата, развитием искусственного интеллекта (ИИ), технологий генной инженерии и так далее. Ни одна страна, даже самая могущественная, не может решить эти проблемы в одиночку. Либо мы справимся с ними вместе, либо зря потратим время. Так что единственный путь вперед для человеческой расы заключается в сотрудничестве.

Как говорил Бакминстер Фуллер (американский архитектор и изобретатель XX века. — Forbes Life), у нас есть все нужные технологии, но мы используем их не для того. Вместо того чтобы использовать ИИ для борьбы с болезнями и для развития сельского хозяйства, мы создаем на его основе оружие. И это большая проблема, особенно в политическом поле. Мы должны понять, что если мы не будем сотрудничать по действительно важным вопросам, то рискуем просто исчезнуть с лица Земли как вид.

— Вы сказали, что нам придется нарушать правила капитализма. Почему? И что тогда придет им на смену?

— Традиционный капитализм в том виде, каким мы знаем его на Западе, абсолютно не подходит для будущего. Он не решает многие важные проблемы. Напротив, вместо этого он их усугубляет. Можно с уверенностью сказать, что капитализм уже провалил многие важные «экзамены»: допустил изменение климата, не позволил эффективно развернуть глобальную вакцинацию и так далее. И сейчас мы за все это расплачиваемся. Поэтому нам нужно то, что Эл Гор 15 лет назад назвал «устойчивым» капитализмом. Некая переориентация на более широкий набор ценностей. До сих пор капитализм ориентировался в основном на ценности прибыли и роста: больше рабочих мест, больше денег, более высокий ВВП.

Думаю, скоро все дискуссии на тему «капитализм vs социализм» останутся позади, потому что будут уже не актуальны. Ни капитализм, ни социализм в их традиционных формах не приведут нас к тому, что я называю «хорошим будущим». Мы должны сфокусироваться на новом подходе, который будет коллективным. И в конечном счете, возможно, уже через 20-30 лет у нас во многих аспектах будет мировое правительство.

— В романах братьев Стругацких будущее глобальное правительство состоит преимущественно из врачей и учителей. Увы, сейчас в России эти профессии не очень хорошо оплачиваются. Можно ли сказать, что в решении этой проблемы заключен ключ к «хорошему будущему» для нашей страны?

В моем фильме «Хорошее будущее», который вышел чуть больше месяца назад, одна из главных мыслей такова: мы платим большую часть денег людям, которые занимаются совсем не теми вещами. Причина в том, что сегодня самая большая сила в мире — это бизнес, индустрия. И это не обязательно плохо, если смотреть на экономические показатели. Но создаст ли хорошая индустрия хорошее будущее? Ответ отрицательный. Она создаст самое выгодное будущее. А хорошее будущее реализуется не потому, что оно будет приносить максимум денег. Совсем наоборот.

Facebook — отличный пример феодальной платформенной экономики, которая разъедает общество

Мы должны перевернуть ситуацию и сказать: давайте будем платить людям, которые решают самые сложные и важные проблемы человечества, столько же, сколько сейчас получают CEO компаний. Чтобы они могли заниматься своим делом и ни от кого не зависеть. Как Сократу или Аристотелю платило общество. Мы действительно должны платить врачам и учителям, писателям и в целом публичным интеллектуалам, чтобы эти мудрые люди помогли нам понять, что стоит делать, а что нет.

— Что скажете о безусловном базовом доходе? Хорошая ли это идея?

— С точки зрения традиционного капитализма это плохая идея. Ведь в нем средства производства дешевеют, прибыли растут, но деньги не распределяются. Тот же Facebook, например, получает свыше \$50 млн прибыли ежедневно. Но куда идут эти деньги? Они проходят через шесть крупнейших городов США, которые лидируют в цифровой экономике. И попадают в карманы акционеров и руководителей компании, но не к массам населения. Facebook — отличный пример феодальной платформенной экономики, которая разъедает общество, но очень любима фондовыми рынками.

Мы должны подумать над новыми путями распределения прибылей, в том числе нужно пересмотреть систему экономических стимулов. Если на посту руководителя корпорации вы не заинтересованы стремиться к общему благу, то вы, скорее всего, не станете этого делать, ведь это никак не помогает вашей цели — получению прибыли. Поэтому сейчас мы движемся к тому, что называется «капитализмом стейкхолдеров», в котором учитываются интересы всех сторон и компании несут социальную ответственность.

Реальный вопрос по поводу безусловного дохода звучит так: готовы ли мы делиться деньгами?

Идею безусловного базового дохода многие люди понимают упрощенно, как будто все при этом будут жить припеваючи, не работая. Но смысл совсем не в этом. Скорее речь идет о гарантированном минимуме, который позволит каждому выжить. Мне больше всего нравится модель отрицательного подоходного налога. Нечто подобное мы видели во многих странах во время ковидного кризиса, когда государство оказывало людям помощь, чтобы они не впали в бедность. И оказалось, что деньги на это есть. Так что реальный вопрос по поводу безусловного дохода звучит так: готовы ли мы делиться деньгами?

Скоро мы увидим во всем мире новую логику корпоративного налогообложения. Страны G20 [договорились](#) об общей минимальной ставке налога для корпораций в 15%. Таким образом, мы сможем собрать столько денег (вместе с новыми углеродными налогами), что хватит в теории на то, чтобы платить людям за социальную работу или за борьбу с глобальным потеплением, или за какую-нибудь еще нужную работу, которая до сих пор велась на волонтерских началах. И это опять же не про социализм. Это просто новая логика, которая говорит: лучше, когда люди вовлечены в экономику. Потому что это создает прогресс и новые возможности. А вопиющее неравенство и экономическая несправедливость — это ключевые факторы, стоящие за преступностью и терроризмом.

— Криптовалюты — это пузырь или валюты будущего?

— Думаю, блокчейн и распределенные базы данных — это действительно наше будущее, следующий интернет. Но деньги (официальные фиатные валюты) едва ли когда-нибудь будут развиваться без реального контроля со стороны правительств. Такое

себе очень трудно представить. Думаю, у нас будут цифровые валюты, созданные центробанками. Я знаю, Россия активно об этом думает, так же как Индия и еще многие страны. В том, чтобы иметь такую валюту, определенно есть смысл.

Кроме того, я думаю, в течении 10 лет появится глобальная цифровая валюта, которая сможет заменить доллар в качестве глобальной валюты. Но в ее основе не будет лежать децентрализованный и зашифрованный обмен токенами по принципу peer-to-peer. Такое может сработать со многими другими вещами, но не с фиатными валютами. Они останутся под контролем официальных структур. Полагаю, в случае с глобальной цифровой валютой это будет Всемирный банк.

— Какое будущее ждет здравоохранение и биотех?

Реклама на Forbes

— Сейчас, говоря о здравоохранении, фармацевтике и так далее, мы имеем в виду попытки починить то, что уже сломалось, — уход за больными людьми. И это очень устаревший подход. Потому что чаще всего, когда в организме что-то уже сломалось, это уже трудно починить — и очень дорого. Фактически это не healthcare (здравоохранение), а «болезнеохранение» (sick-care). Но сейчас мы движемся в будущее медицины, где мы будем предсказывать и предотвращать болезни, менять их течение с использованием аналитики больших данных и, возможно, достижений геномики, а также принципиально иного образа жизни, пищевых добавок и много чего еще. Это будет холистический, разумный и интегративный подход.

Крупнейшие фармкомпании становятся технологическими компаниями. Это означает, что нам понадобится заслуживающий доверия механизм обмена чувствительнейшими персональными данными, которого у нас, разумеется, нет. Вы, конечно, не захотите давать информацию о своем геноме Facebook, «ВКонтакте» или

какому-нибудь другому подобному сервису. Это важная проблема, которая должна быть решена до того, как мы добьемся реального прогресса в цифровом здравоохранении. Но если мы сможем соединить технологию и биологию, вполне возможно, что уже в течение следующих 20-30 лет победим многие тяжелые болезни. Мы сможем жить гораздо дольше, так, что нормальная продолжительность жизни намного превысит 100 лет.

— Может ли это привести к возникновению глобального биологического неравенства? Уже сейчас мы фактически имеем вакцинное неравенство.

— Перспектива неравенства здесь — самый большой вызов. Вы правы, вакцинное неравенство уже появилось, и это позор. Ужасно, что мы не можем эффективно распределить то, что, очевидно, должно быть общим достоянием.

Я смотрю на это так: доступ к вакцинам должны иметь все, потому что в конечном итоге мы все выиграем, если каждый привьется. И определенные средства продления жизни, такие как генетический анализ, тоже должны быть доступны всем — до тех пор, пока они не выходят за рамки человеческого, то есть, не превращают нас отчасти в машины. Знаете, некоторые хотят стать суперлюдьми, жить бесконечно и делать больше денег. Но такое себе смогут позволить единицы, а все остальные будут этого лишены. Это, пожалуй, самый худший вариант нашего будущего.

— Как мы можем его избежать?

Реклама на Forbes

— Установив новые глобальные правила здравоохранения — например, для вакцинирования, лечения рака или диабета, — которые будут основаны на данных и разуме. Чтобы такие технологии стали общедоступными. И нам понадобятся глобальные договоры по поводу геномной инженерии, подобные договорам о

нераспространении ядерного оружия.

*Мы готовим наших детей и будущих лидеров
к тому, чего уже точно не будет*

— Каким будет будущее образования? Как мы уже сейчас можем к нему подготовиться?

— Образование сегодня безнадежно отстает от реалий окружающего мира. Это верно для большинства стран, но для России — особенно, я думаю. По сути, мы готовим наших детей и будущих лидеров к тому, чего уже точно не будет. К соревнованию с машинами в попытках «загружать» в себя больше информации, которую можно в любой момент легко получить. Образование должно стать актуальным, стратегическим (а не ситуативным), пожизненным, гибридным (включающим в себя цифровые элементы) и доступным всем.

На протяжении следующих 10 лет компьютеры явно научатся выполнять все рутинные задачи, в том числе по простому взаимодействию с людьми в таких областях как финансы, или здравоохранение.

Так что будущее образования в фокусировке на том, что могут делать только люди. Какие это задачи? Здесь мы можем сослаться на парадокс Моравека, названный по имени сформулировавшего его венгерского ученого. Очень упрощенно он звучит так: «Что легко делать людям, то сложно делать машинам, и наоборот». Например, для большинства из нас не проблема в считанные секунды «прочитать» другого человека, пообщавшись с ним, понять о нем какие-то базовые вещи. Но для машины это чрезвычайно сложная задача. В отличие от нее мы умеем читать между строк и пользоваться интуицией.

Билет в будущее, который позволит быть востребованным профессионалом, — это вещи, которые делают нас людьми

Билет в будущее, который позволит вам быть востребованным как профессионалу, — это вещи, которые делают нас людьми, то есть, гуманитарные навыки: искусство, дизайн, этика, ценности, понимание. Уже сегодня мы видим, что крупные компании, нанимая новых менеджеров, уделяют большое внимание их эмоциональному интеллекту. Ученые степени и достижения по-прежнему важны, но теперь имеет значение не только интеллект и логика: эмоции тоже представляют собой большую силу.

Реклама на Forbes

— Рэй Бредбери писал, что человечество предпочло потребление освоению космоса. Но сейчас, похоже, космическая гонка возобновляется — с участием визионеров вроде Маска и Безоса, а также больших стран, например Китая. Увидим ли мы долгожданный прорыв человека в космос?

— По-моему, ясно, что мы должны отправиться на другие планеты и населить не только Землю. Потенциально это может стать нашим запасным планом, если с проблемами глобального потепления не удастся справиться другим способом. И мы, наверное, отправим вперед роботов с ИИ, чтобы они вели космические исследования.

Что-то из этого может произойти уже в ближайшие 20-30 лет, но в основном это не ближняя перспектива. Я согласен с Полом Сеффо, моим коллегой-футурологом, что путать ближние перспективы с дальними — большая ошибка. В ближней перспективе, наверное, лучше потратить триллионы долларов не на космос, а на восстановление нашей собственной планеты? Хотя одно не исключает другого, и, возможно, мы сможем работать в обоих направлениях.

— Так будет ли наше будущее хорошим, по вашему мнению?

— Я часто говорю, что будущее лучше, чем мы думаем, но с одним большим «если»: если мы будем принимать правильные решения. Если мы научимся сотрудничать и создавать правильные форсайты. Интересно, что люди, похоже, умеют сотрудничать, только когда приходит настоящая беда. Мы выработали компромисс после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, потому что угроза стала запредельной. Сейчас страны начали сотрудничать в борьбе с ковидом, после того как пандемия разразилась. И я боюсь, что если мы не научимся сотрудничать до того, как столкнемся с большими проблемами, то, возможно, сотрудничать уже и не придется — потому что будет слишком поздно, и нам останется только выбрать наименее болезненный путь к катастрофе.

Но я скорее оптимист и считаю, что мы сможем найти решения глобальных проблем, примерно в течение следующей декады. Я всегда говорю, что следующие десять лет принесут больше перемен, чем предыдущие сто.

Реклама на Forbes